

Н.Н. ЩЕРБАКОВА

(Омский государственный педагогический университет
г. Омск, Россия)

УДК 811.161.1
ББК Ш141.2-2

О РОЛИ КОНТЕКСТУАЛЬНОГО ОКРУЖЕНИЯ В ВЫЯВЛЕНИИ КРЕАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ДЕРИВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Анализируются игровые тексты, построенные на использовании креативного потенциала словообразовательной системы. Отмечается, что игровой эффект словообразовательных окказионализмов чаще всего обнаруживается в развернутом контекстуальном сопровождении.

Ключевые слова: языковая игра, игровой текст, креативные возможности словообразовательной системы, игровой код.

Все ярусы языка обладают креативным потенциалом, который отчётливо проявляется в процессе языковой игры (ЯИ). Будучи сложным и многогранным явлением, ЯИ обуславливается как семантикой языковой единицы, так и её формально-грамматическими особенностями. Это особенно явственно обнаруживается в случаях, когда ЯИ строится на особенностях грамматической системы языка. Так, игровой эффект может быть создан за счёт использования омонимичных грамматических форм: *Некогда я любил её. А теперь – некогда* (А. Кнышев). Однако гораздо чаще встречаются случаи создания игры (термин Т.А. Гридиной) не только за счёт морфологических особенностей, но и за счёт синтаксической структуры, в которую помещается подобная единица. Например, игровой эффект фразы *Снег падал, падал, падал И упал...* (И. Иртенев) достигается за счёт создания контекста, который должен продемонстрировать глагольную видовую пару, однако в состав стихотворной фразы автор помещает единицы, которые не находятся в прогнозируемом противопоставлении, и это создаёт ситуацию нарушения морфологического соотношения данных глагольных форм.

Эффект обманутого ожидания наблюдается также и в тех случаях, когда предложения построены по принципу противопоставления, но в качестве противопоставляемых компонентов автор избирает единицы, которые не являются таковыми в языковой системе. Например: *Если вы верите в победу национальной сборной по футболу, то вы либо дурак, либо немец* (М. Задорнов). Не являясь антонимами в пределах

русской лексической системы, существительные *дурак* и *немец* обретают контекстуальное противопоставление именно благодаря специфике грамматического оформления фразы. В качестве контекстуально противопоставленных могут использоваться также антонимы к разным лексико-семантическим вариантам слова: *Женщины бывают полные и пустые* (А. Кнышев).

Будучи частью грамматики, словообразовательная система языка, органически соединяя семантику и форму в пределах одной единицы, бесспорно, обладает серьёзным лингвокреативным потенциалом. Так, например, гибридные образования типа *приспособленец*, *секрецарь*, *нуворшики*, *нувороги*, *общезутие*, *прихватизация*, *стервославянский*, *странноведение*, *елевидение*, *муроприятие*, *вмеруприятие* и под. квалифицируются как игровые единицы даже без предъявления контекста, поскольку здесь очевидны двойные ряды соотношений, в которые входят данные новообразования. Отметим при этом, что ведущую роль в данном случае играет семантика, поскольку именно соотношение слов типа *приспособленец* – *ленинец*, *мероприятие* – *мура* и т.д. порождает игровой эффект.

Наличие контекстуального окружения значительно повышает креативные возможности словообразовательной системы, поскольку в этом случае происходит осмысление не только семантической, но и словообразовательной структуры новой единицы. Так, расширение контекста позволяет воспринимать как игровые такие единицы, которые употребляются в языке и в неигровом значении: *Похолодало так неожиданно, что на лицах отдыхающих надолго сохранились свежезамороженные улыбки; Почему нас всё время призывают то сплачиваться, то расплачиваться?* (А. Кнышев); *Известный скульптор-монументалист Зураб Церетели задумал новый проект: возвести в России стену, которая будет больше и Великой китайской стены, и израильской Стены Плача одновременно. Стена будет называться «Великая российская стена плача». Поскольку всё население России будет оплачивать её строительство* (М. Задорнов).

Определяющей является роль контекста в такой разновидности ЯИ, как ассоциативная выводимость [Гридина 1996: 27-29]. Основанный на этом конструктивном принципе «бестолковый словарь» невозможен без контекстуального расширения, которое соотносит слово с двумя мотиваторами, а нередко и с двумя словообразовательными типами: *осина* – *большая оса*, *баранка* – *жена барана*, *таксист* – *хозяин таксы*, *усыпальница* – *скудная лекция*, *чистотел* – *баня*, *мухомор* – *дихлофос*, *несушка* – *официантка*, *пионер* – *садовник*, *разводящий пионы*, *плотник* – *людоед*, *СОБР* – *детёныш от скрещивания совы и боб-*

ра, томат – собрание сочинений, экстракт – заброшенная дорога, ямщик – землекоп.

Анализ развёрнутых текстов, построенных на использовании креативного потенциала деривационной системы русского языка, показывает, что в их основе обычно лежит либо формально-грамматический, либо семантический подход. В первом случае автор может использовать какую-либо конкретную модель для организации текста, как, например, в следующих строках А. Усачёва, где для создания игрем используется сложение основ, сопровождаемое нулевой суффиксацией:

*Мы играли в паповоз,
В самый быстрый паповоз,
В самый лучший паповоз:
Ехал я, а папа – вёз...
Даже вспомнить невозможно,
Сколько видели мы стран...
Вдруг навстречу – знак дорожный:
ОСТОРОЖНО, ОКЕАН!
Папа, не сбавляя ходу, Рассекает грудью воду
И, подняв волну, плывёт –
Настоящий папоход!
Из тумана перед нами Айсберг вырос, как гора...
Папоход взмахнул руками, Паполёт летит – Ура!*

Кроме того, наблюдаются случаи, когда автор развёрнутого игрового текста концентрируется на итогах деривационного процесса. Так, в тексте пародии В. Завадского, написанной на строку В. Озолина *С той поры его избуха вроде брошенной была*, используются существительные, образованные по разным словообразовательным моделям, но неизменно заканчивающиеся на –ха:

*Головеху от подухи
Оторвал я и попёр
До Ньюрахиной избухи:
Обожаю женский пол!
Поднабраться дабы духу,
Молодых и новых сил,
Бормотухи поллитруху
Я с милахой осушил...*

Текст, построенный на явлении ЯИ, может также концентрироваться не столько на особенностях форманта, сколько на специфике

мотивирующей базы. Но и в этом случае будет наблюдаться подчёркнутое единообразие выбранного компонента. Так, в стихотворении Ф. Кривина «В мире животных» в качестве мотивирующей базы выступают основы зоонимов:

*Змеилась речка в тишине,
Плетя витки излучин.
А там, на самой глубине,
Плотвичку сом прищучил.
Воали темнели берега,
Ершился лес на склоне.
И кот, окрысясь на щенка,
Мышонка проворонил.
Цыплёнка жучил таракан,
Сазан с лецом судачил.
И, как всегда, ослил баран,
Что конь весь день ишачил.
И каждый знал чужой шесток
И читил не свой обычай.
Там выкомаривал сверчок,
Там гусь сычал, набычась...*

Большая часть отзоонимических глаголов из приведённого отрывка не является авторским изобретением. Исключение составляют единицы *ослил* (соотносимая с мотиватором *острил*), *сычал* (соотносимая с формой *серчал*), а также *судачил*, которая в условиях анализируемого контекста, доминантой которого является фраза *и читил не свой обычай*, явно соотносится с существительным *судак*.

Таким образом, словообразовательная система русского языка имеет богатые возможности для реализации ЯИ и на уровне формы, и на уровне семантики, причём для выявления игрового кода в целом ряде случаев необходимо развёрнутое контекстуальное сопровождение.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург, 1996.

© Щербакова Н.Н., 2012